

В Уставе черным по белому сказано: рано или поздно любой мастер получает Заказ. Настал этот день и для меня.

Заказчику было лет шесть. Он сидел, положив подбородок на прилавок, и наблюдал, как «Венксинг» копирует ключ от гаража. Мама Заказчика в сторонке щебетала по сотовому.

— А вы любой ключик можете сделать? — спросил Заказчик, разглядывая стойку с болванками.

— Любой, — подтвердил я.

— И такой, чтобы попасть в детство?

Руки мои дрогнули, и «Венксинг» умолк.

— Зачем тебе такой ключ? — спросил я. — Разве ты и так не ребенок?

А сам принялся лихорадочно припоминать, есть ли в Уставе ограничения на возраст Заказчика. В голову приходил только маленький Вольфганг Амадей и ключ к музыке, сделанный зальцбургским мастером Крейцером. Но тот ключ заказывал отец Вольфганга...

— Это для бабы Кати, — сказал мальчик. — Она все вспоминает, как была маленькая. Даже плачет иногда. Вот если бы она могла снова туда попасть!

— Понятно, — сказал я. — Что же, такой ключ сделать можно, — я молил Бога об одном: чтобы мама Заказчика продолжала болтать по телефону. — Если хочешь, могу попробовать. То есть, если хотите... сударь.

Вот елки-палки. Устав предписывает обращаться к Заказчику с величайшим почтением, но как почтительно обратиться к ребенку? «Отрок»? «Юноша»? «Ваше благородие»?

— Меня Дима зовут, — уточнил Заказчик. — Хочу. А что для этого нужно?

— Нужен бабушкин портрет. Например, фотография. Сможешь принести? Завтра?

— А мы завтра сюда не придем.

Я совсем упустил из виду, что в таком нежном возрасте Заказчик не пользуется свободой передвижений.

— Долго еще? — Мама мальчика отключила сотовый и подошла к прилавку.

— Знаете, девушка, — понес я ахиною, от которой у любого слесаря завяли бы уши, — у меня для вашего ключа только китайские болванки, завтра подвезут немецкие, они лучше. Может, зайдете завтра? Я вам скидку сделаю, пятьдесят процентов!

Я отдал бы годовую выручку, лишь бы она согласилась.

Наш инструктор по высшему скобяному делу Куваев начинал уроки так: «Клепать ключи может каждый болван. А Заказ требует телесной и моральной подготовки».

Придя домой, я стал готовиться. Во-первых, вынес упаковку пива на лестничную клетку, с глаз долой. Употреблять спиртные напитки во время работы над Заказом строжайше запрещено с момента его получения. Во-вторых, я побрился. И, наконец, мысленно повторил матчасть, хоть это и бесполезно. Техника изготовления Заказа проста как пробка. Основные трудности, по словам стариков, поджидают на практике. Толковее старики объяснить не могут, разводят руками: сами, мол, увидите.

По большому счету, это справедливо. Если бы высшее скобяное дело легко объяснялось, им бы полстраны занялось, и жили бы мы все припеваючи. Ведь Пенсия скобяных дел мастера — это мечта, а не Пенсия. Всего в жизни выполняешь три Заказа (в какой момент они на тебя свалятся, это уж как повезет). Получаешь за них Оплату. Меняешь ее на Пенсию и живешь безбедно. То есть, действительно безбедно. Пенсия обеспечивает железное здоровье и мирное, благополучное житье-бытье. Без яхт и казино, конечно, — излишествовать запрещено Уставом. Но вот, например, у Льва Сергеича в дачном поселке пожар был, все сгорело, а его дом уцелел. Чем такой расклад хуже миллионов?

Можно Пенсию и не брать, а взамен оставить себе Оплату. Такое тоже бывает. Все зависит от Оплаты. Насчет нее правило одно — Заказчик платит, чем хочет. Как уж так получается, не знаю, но соответствует такая оплата... в общем, соответствует. Куваев одному писателю сделал ключ от «кладовой сюжетов» (Бог его знает, что это такое, но так это писатель называл). Тот ему в качестве Оплаты подписал книгу: «Б. Куваеву — всех благ». Так Куваев с тех пор и зажил. И здоровье есть, и бабки, даже Пенсия не нужна.

Но моральная подготовка в таких условиях осуществляется со скрипом, ибо неизвестно, к чему, собственно, готовиться. Запугав себя провалом Заказа и санкциями в случае нарушения Устава, я лег спать. Засыпая, волновался: придет ли завтра Дима?

Дима пришел. Довольный. С порога замахал листом бумаги.

— Вот!

Это был рисунок цветными карандашами. Сперва я не понял, что на нем изображено. Судя по всему, человек. Круглая голова, синие точки-глаза, рот закорючкой. Балахон, покрашенный разными цветами. Гигантские, как у клоуна, черные ботинки. На растопыренных пальцах-черточках висел не то портфель, не то большая сумка.

— Это она, — пояснил Дима. — Баба Катя. — И добавил виновато: — Фотографию мне не разрешили взять.

— Вы его прямо околдовали, — заметила Димина мама. — Пришел вчера домой, сразу за карандаши: «Это для дяди из ключиковой палатки».

— Э-э... благодарю вас, сударь, — сказал я Заказчику. — Приходите теперь через две недели, посмотрим, что получится.

На что Дима ободряюще подмигнул.

«Ох, и лопухнусь я с этим Заказом», — тоскливо думал я. Ну да ладно, работали же как-то люди до изобретения фотоаппарата. Вот и мы будем считывать биографию бабы Кати с этого так называемого портрета, да простит меня Заказчик за непочтение.

Может, что-нибудь все-таки считается? неохота первый Заказ запороть...

Для считывания принято использовать «чужой», не слесарный, инструментарий, причем обязательно списанный. Чтобы для своего дела был не годен, для нашего же — в самый раз. В свое время я нашел на свалке допотопную пишущую машинку, переконструировал для считывания, но еще ни разу не использовал.

Я медленно провернул Димин рисунок через вал машинки. Вытер пот. Вставил чистый лист бумаги. И чуть не упал, когда машинка вздрогнула и клавиши бодро записедали сами по себе: «Быстрова Екатерина Сергеевна, род. 7 марта 1938 года в пос. Болшево

Московской области...»

Бумага прокручивалась быстро, я еле успел вставлять листы. Где училась, за кого вышла замуж, что ест на завтрак... Видно, сударь мой Дима, его благородие, бабку свою (точнее, прабабку, судя по году рождения) с натуры рисовал, может, даже позировать заставил. А живые глаза в сто раз круче объектива; материал получается высшего класса, наплевать, что голова на рисунке — как пивной котел!

Через час я сидел в электричке до Болшево. Через три — разговаривал с тамошними стариками. Обдирал кору с вековых деревьев. С усердием криминалиста скреб скальпелем все, что могло остаться в поселке с тридцать восьмого года — шоссе, камни, дома. Потом вернулся в Москву. Носился по распечатанным машинкой адресам. Разглядывал в музеях конфетные обертки конца тридцатых. И уже собирался возвращаться в мастерскую, когда в одном из музеев наткнулся на шаблонную военную экспозицию с похоронками и помятыми котелками. Наткнулся — и обмер.

Как бы Димины бабушка ни тосковала по детству, вряд ли ее тянет в сорок первый. Голод, бомбежки, немцы подступают... Вот тебе и практика, ежик кот. Еще немного, и запорол бы я Заказ!

И снова электричка и беготня по городу, на этот раз с экскурсоводом:

— Девушка, покажите, пожалуйста, здания, построенные в сорок пятом году...

На этот раз Заказчик пришел с бабушкой. Я ее узнал по хозяйственной сумке.

— Баб, вот этот дядя!

Старушка поглядывала на меня настороженно. Ничего, я бы так же глядел, если бы моему правнуку забивал на рынке стрелки незнакомый слесарь.

— Вот Ваш ключ, сударь.

Я положил Заказ на прилавок. Длинный, с волнистой бородкой, тронутый медной зеленью. Новый и старый одновременно. Сплавленный из металла, памяти и пыли вперемешку с искрошенным в муку Диминым рисунком. Выточенный на новеньком «Венксинге» под песни сорок пятого.

— Баб, смотри! Это ключик от детства. Правда!

Старушка надела очки и склонилась над прилавком. Она так долго не разгибалась, что я за нее испугался. Потом подняла на меня растерянные глаза, синие, точь-в-точь как на Димином рисунке. Их я испугался еще больше.

— Вы знаете, от чего этот ключ? — сказала она тихо. — От нашей коммуналки на улице Горького. Вот зазубрина — мы с братом клад искали, ковыряли ключом штукатурку. И

пятнышко то же...

— Это не тот ключ, — сказал я. — Это... ну, вроде копии. Вам нужно только хорошенько представить себе ту дверь, вставить ключ и повернуть.

— И я попаду туда? В детство?

Я кивнул.

— Вы хотите сказать, там все еще живы?

На меня навалилась такая тяжесть, что я налег локтями на прилавок. Как будто мне на спину взгромоздили бабы-катину жизнь, и не постепенно, год за годом, а сразу, одной здоровой чушкой. А женщина спрашивала доверчиво:

— Как же я этих оставлю? Дочку, внучек, Диму?

— Баб, а ты ненадолго! — закричал неунывающий Дима. — Поиграешь немножко — и домой.

По Уставу, я должен был ее «проконсультировать по любым вопросам, связанным с Заказом». Но как по таким вопросам... консультировать?

— Екатерина Сергеевна, — произнес я беспомощно, — Вы не обязаны сейчас же использовать ключ. Можете вообще его не использовать, можете — потом. Когда захотите.

Она задумалась.

— Например, в тот день, когда я не вспомню, как зовут Диму?

— Например, тогда, — еле выговорил я.

— Вот спасибо Вам, — сказала Екатерина Сергеевна. И тяжесть свалилась с меня, испарилась. Вместо нее возникло приятное, острое, как шабер, предвкушение чуда. Заказ выполнен, пришло время Оплаты.

— Спасибо скажите Диме, — сказал я. — А мне полагается плата за работу. Чем платить будете, сударь?

— А чем надо? — спросил Дима.

— Чем изволите, — ответил я по Уставу.

— Тогда шас, — и Дима полез в бабушкину сумку. Оттуда он извлек упаковку мыла на три куска, отодрал один и, сияя, протянул мне. — Теперь вы можете помыть руки! Они у

вас совсем черные!

— Дима, что ты! — вмешалась Екатерина Сергеевна, — Надо человека по-хорошему отблагодарить, а ты...

— Годится, — прервал я ее. — Благодарю Вас, сударь.

Они ушли домой, Дима — держась за бабушкину сумку, Екатерина Сергеевна — нащупывая шершавый ключик в кармане пальто.

А я держал на ладони кусок мыла. Что оно смое с меня? Грязь? Болезни? Может быть, грехи?

Узнаю сегодня вечером.

Автор: Калинчук Елена